

ЗЕМНЫЕ ПУТИ К ЛУЧЕЗАРНОМУ СЛОВУ

(к 70-летию со дня рождения
Любови Никоновой)

В её имени – отзвуки деяний патриарха Никона, чуда Матроны Московской, загадочным и вполне закономерным образом оказавшейся однофамилицей, духовные искания и пути-перепутья странницы Лексы (Александры Швецковой), родной по «лабиринтам крови» и мироощущению, «ходившей и в Троице-Сергиеву лавру, и в Киев, и в северные края, на Белоозеро»... И, конечно, Любовь! Любовь в высшем православном её понимании: «подвижница в разных ситуациях, на разных путях и уровнях человеческой жизни», всепроникающая и всеспрашающая, милосердствующая и сорадующаяся истине, та, что «всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит». Любовь неотступная – благодатный огонь, дарующий смысл существованию...

Самобытному поэту Любови Никоновой суждено было явиться на свет в середине XX века в самарском селе Владимировка, «в царстве света, воздуха и ветра». Каждая клеточка её поэтического таланта возрастала и питалась на равнинных просторах, под палящим зноем разморённой степи, вместе с дикорастущими травами, зреющим хлебным колосом и огородными диковинами. И лирическая героиня стихотворений, живущая «под столетней ветлой», облакканная теплом маминых рук, общением с деревенской живностью, открыто-радостно отзывалась на яркие и незначительные мгновения бытия, симфонии мироздания и родники народного Слова. Она поистине горела в творческом огне, искренне удивляясь каждому баловню судьбы: «пугливой ящерке», огромной бабочке, «неизученному ручью», капелькам дождя, «мягким бархатным гусеницам», «длиннопёрым рыбам», «одутловатой жабе», «музицирующему кузнечнику», птицам и даже червям...

В отрочестве пламя, возжжённое в Среднем Поволжье, как факел, было перенесено в суровый металлургический Кузбасс. Его промышленные огни, смог и шлаковые отвалы, суровые люди, технократические ритмы тяжёлой поступью вошли в поэтический мир Л. А. Никоновой и помогли окончательно созреть ей как поэту, прозаику, педагогу.

Образ никоновской лирической героини, живущей по законам Бога и Вселенной, Им созданной, безыскусен и прост. Она странница, бредущая всевозможными тропами к чистому и вечному лучезар-

ному Слову, к его истокам и сокровенным смыслам, к благословенной земле, о которой грезила, создавая в детстве поэму «По дороге к Вечному городу». Она мечтательница и фантазёрка, рискнувшая испить из «следа барашка на глине», умеющая читать высшие знаки, разгадывать загадки, общаться с картофельным человечком Фиолетко, «чудотворчествовать», видеть, как всё живое переходит из одной формы в другую, просить счастья для бедной «земли, на которой вырастают фиолетовые цветки»...

В ней никогда не затихало противоборство двух полюсов – «скрытого духа бунтарки» и «смиренного взгляда схимницы», которые парадоксально уживались в человеческом и писательском естестве. Шествуя с молитвой, странница Никоновой опиралась на крепкий посох – Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа – и непрестанно закаляла себя суровой аскетичностью быта и роскошным пиршеством духа. О первом Любовь Алексеевна никогда не открывалась. «Следы» второго с легкостью запечатлелись в её памяти и творческих «летописях»: они рассыпаны щедрыми самоцветами песенного и сказочного фольклора, трепетно замерли в живописных полотнах и декоративно-прикладном искусстве, влились в авторский мир удивительными находками кинематографа, художественной и православной литературы, вечным сиянием классической музыки...

На теле Божьей странницы скромное одеяние и... ожоги. Самые глубокие – от Достоевского, «обжигающего имени». Познакомившись с его романами в подростковом возрасте, она так и пронесла их до конца дней в холщовой котомке жизни, как в узелке Мышкина, то соглашаясь, то споря с великим, то отряцая, то вновь возвращаясь к нему.

Созданный Любовью Никоновой художественный мир в высшей точке своего воплощения, в расцвете или зените, напоминает живую, вечно движущуюся икону: в юности – природную, буйствующую, олицетворяющую сезонное коловращенье земных радостей и страстей, в зрелости – православную, устремлённую к райскому саду, пред вратами которого одновременно испытывают восторг, тихую светлую радость и благоговейное оцепенение, как «перед чудом жизни»...

Путь Никоновой в литературе, от «Скрипичного ключа» до «Знакового мира неузнаваемого», тернист и лучезарен, во многом загадочен и неизведан. Его творческие плоды, как те «капельки алые, что слезам по значенью близки», кажется, родственны бисеринкам крови, выступившим на терновом венце. Это великая жертва и драгоценный подарок. И как же это ответственно – вовремя получить его! Но ещё важнее – достойно принять и благодарно нести в сердце от встречи к встрече, от встречи к встрече...

Елена ТРУХАН,
г. Новокузнецк